

**ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ
А. ЗИНОВЬЕВА**

К числу наиболее актуальных проблем в ряду вопросов онтологии политики и власти относится проблема направления эволюции политической сферы современного мирового социума. Какие социальные скрепы будут положены в основу грядущего на Земле «порядка»? На осуществление каких ценностей (традиционных, либеральных, тоталитарных и др.) будут направлены соответствующие системы социальных институтов? Какими будут средства реализации «питающих» их ценностей и идеалов? Какими будут пространственные (и другие) пределы ограничения такого «порядка»: будет ли он «международным» или «мировым»?

Актуальным методологическим подходом к решению поставленных проблем представляется эволюционная теория А. Зиновьева, раскрываемая им «как возникновение качественно новых, более высоких уровней (социальной – *Е.К.*) организации»¹. Рассматривая общество как органическую саморегулирующуюся систему, в которой различные социальные институты и человеческие объединения выступают как органы одного общественного тела во главе с государством, Зиновьев квалифицирует эпоху обществ как особый этап в социальной эволюции. Это позволяет ему поставить вопрос об иных формах человеческого общежития («человейника»), в которых управление социальными процессами и социумом в целом осуществлялось бы извне, принудительно, наподобие действию сил природы, как это имело место в предобществах. Комплекс обозначенных сюжетов философ рассматривает в своем учении о власти.

В русле мировой (Т. Гоббс, Н. Макиавелли, М. Вебер и др.) и отечественной (В.С. Соловьев, И.А. Ильин, П.И. Новгородцев и др.) философской мысли Зиновьев рассматривает власть как волевое

* Катышевцева Елена Валерьевна – докторант Уральского государственного университета им. А.М. Горького, кандидат исторических наук, доцент. (Статья подготовлена по материалам доклада на теоретическом семинаре в ИФиП УрО РАН в ноябре 2003 г.).

¹Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М., 2000. С. 84.

отношение, социальными субъектами которого являются либо «отдельно взятые люди как существа, обладающие волей и сознанием», либо «объединения людей, в которых какие-то их члены выполняют функции воли и сознания в отношении объединений в целом»¹. При этом «прочие члены человеческого, в отношении которых осуществляется власть, становятся частицами управляемого тела»², а само отношение власти приобретает вид субъект-объектного отношения, когда субъект власти «может в каких-то отношениях распоряжаться вторым (участником отношения – Е.К.) по своей воле» (выделено нами – Е.К.), превращая его в объект власти – подвластного. Поскольку «всякое сознательное (и волевое в том числе) действие человека, так или иначе влияющее на его социальное положение и на положение других людей»³ квалифицируется Зиновьевым как коммунальный поступок, постольку отношение власти, низводящее позицию одного из субъектов отношения до позиции объекта волевого воздействия, есть, согласно философу, «явление сугубо коммунальное»⁴, т.е. подчиняющееся и отражающее действие законов коммунальности.

Философ анализирует власть сквозь призму обоснованных им социальных законов экзистенциального эгоизма, определяя содержание волевой мотивации власти. Коль скоро любое социальное действие в обществе основывается, согласно гипотезе Зиновьева, на рациональном расчете, то ведущим основанием воли становятся эгоизм и принцип пользы. Соответственно власть как волевое отношение изначально содержит в себе экзистенциально-эгоистический интерес ее обладателей. Поскольку, пишет философ, «позиция руководителя (властителя – Е.К.) есть более выгодная социальная позиция, чем позиция руководимого (подвластного – Е.К.)»⁵, постольку «высокая степень властности повышает возможности ее обладателей в борьбе за существование»⁶. Иными словами, власть выступает как специфический ресурс,

¹ Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу ... С. 154.

² Там же. С. 153.

³ Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. М., 1994. С. 70.

⁴ Там же. С. 155.

⁵ Там же. С. 80.

⁶ Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу ... С. 155.

обеспечивающий лучший доступ к социальным благам и гарантиям, как нечто само по себе выгодное и полезное.

Волевое отношение власти реализует себя, по Зиновьеву двояко. Прежде всего, как «воля к власти», проявляющая себя в том, что «даже за самые низшие должности в системе власти идет борьба, ибо они означают повышение социальной позиции и дают сравнительно ощутимые привилегии»¹. «Воля к власти» обеспечивает самовоспроизводство и динамичное самозаполнение социальных мест. «Власть, – замечает по данному поводу философ, – привлекательна даже на низших ступенях»².

С другой стороны, волевое отношение власти проявляется как «волевая сила» (термин И. Ильина – *Е.К.*)³, реализующаяся в деятельности по доминированию субъекта власти над ее объектом и обеспечивающая способность власти к осуществлению «воли к власти». Соответственно, власть, по Зиновьеву, изначально покоится на силе, данной власти не за ее заслуги, а в результате естественно сложившихся отношений в социуме, где для выработки и сохранения порядка необходимо определенное постоянно действующее насилие⁴.

В контексте высказанных идей власть в человеке есть, с одной стороны, специфический способ взаимодействия «социальных атомов», а с другой, способ интеграции социальной системы в качестве живого, функционирующего коммунального организма.

Коммунальная природа власти определяет, по мнению философа, ряд ее социальных характеристик. Зиновьев обращает внимание на принципиальную нечувствительность (бесчувственность) власти к проблемам этики и морали. Так, степень использования властью силы определяется не ее нравственными или «духовными» качествами, не ее моральным правом, как считает например И.А. Ильин⁵, а рационально-эгоистическими мотивами, которыми руководствуются обладатели власти в конкретных обстоятельствах. К таким мотивам Зиновьев относит «осознание (властителем – *Е.К.*) своего положения в отношении подвластных субъектов; осознание

¹ Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность ... С. 155.

² Там же. С. 156.

³ Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 133.

⁴ Там же. С. 156.

⁵ Там же. С. 136.

того, что он может и хочет требовать от подвластных (...); способность «сообщить свою волю подвластным; способность и средства принудить подвластных к исполнению приказа»¹ и осуществить контроль за исполнением. Естественен отсюда вывод философа о бесперспективности расчетов на «совесть», «доброту», «человечность», «разумность» властителей, ибо это не соответствует природе феномена власти².

Экзистенциально-эгоистическая природа власти определяет ее изначальное стремление к единству, которое Зиновьев рассматривает как условие жизнеспособности социального организма. «Управляющий орган должен быть один. Если в человеческом объединении не происходит рассмотренное выше разделение на управляющий орган и управляемое тело, оно оказывается нежизнеспособным»³.

Коль скоро это так, то власть в человеке, считает философ, исторически возникает как единое явление, включающее в себя власть как физическое принуждение людей к определенному поведению, власть как обладание и распоряжение материальными ценностями и власть как влияние на сознание подвластных. Разрастание человекоек, их усложнение, сопротивление внутри человекоек подвластных властителям обусловили дифференциацию и структурирование властных функций, образование «военной, хозяйственной, церковной властей», что тем не менее, не означало, по мнению философа, утрату властью своего единства, а представляло собой ее «развитие путем дифференциации сторон целого». «Сфера власти», развивает свою мысль философ, *изначально* есть «многосторонний феномен» и при этом феномен «целостный»⁴.

В аспекте конкретного социального анализа государственной власти философ реализует свой вывод в концепции «трех великих разделений властей». Так, «первое великое разделение властей» означает, согласно гипотезе Зиновьева, двуединый процесс, пред-

¹ Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу ... С. 156.

² Там же. С. 154-155.

³ Зиновьев А.А. Логическая социология // Феномен Зиновьева. М., 2002. С. 209.

⁴ Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу ... С. 157.

ставляющий собой «образование системы власти в сферах», сопровождающееся образованием в ходе «борьбы различных властей за власть над всем человечеством, за доминирование в системе власти», нового структурного уровня власти – государственной власти. «Второе великое разделение властей в истории общества» философ отождествляет с разделением власти на законодательную и исполнительную (в США данное разделение дополняется выделением судебной ветви власти). Анализируя данный историко-правовой факт применительно к XX, XXI вв., философ не склонен разделять энтузиазм создателей данной концепции (Локк, Монтескье) в аспекте ее основного компонента (системы сдержек и противовесов). Напротив, считает Зиновьев, разделение власти на ветви можно истолковать не как средство ограничения власти, а как показатель единства власти, внутренне расчлененной в силу разделения функций. «Об этом, – замечает философ, – говорит тот факт, что в правительствах многих западных стран доминирует одна часть, обычно – законодательная»¹. Размышляя таким образом, Зиновьев идет в русле русской философии права. Так, В.С. Соловьев по данному вопросу пишет буквально следующее: «Ясно, что эти три различные власти ... при всей своей необходимой *раздельности* (дифференциации) не могут быть *разобщены*..., так как они имеют одну и ту же цель: правомерное служение общему благу. Это их единство имеет свое реальное выражение в одинаковом их подчинении единой верховной власти»². «Единственность» государственной власти «несмотря на все свои разветвления» является, согласно И.А. Ильину³, второй аксиомой власти.

Принципиально новым философско-правовым открытием Зиновьева является его концепция «третьего великого разделения властей». Осмыслив теоретически систему властных отношений в условиях глобализирующегося мира, Зиновьев определяет третье разделение властей как «разделение на государство и сверхгосударство»⁴, рассмотрение которого впереди.

¹ Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу ... С. 318.

² Власть и право: Из истории русской правовой мысли. Л., 1990. С. 117.

³ Ильин И.А. О сущности правосознания ... С. 137.

⁴ Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу ... С. 318.

Экзистенциально-эгоистическая, коммунальная природа власти определяет и ее стремление «к максимуму над подвластными и к максимально возможному расширению множества подвластных». В результате пределом власти, согласно Зиновьеву, становится такой ее уровень, «когда властитель распоряжается всеми важнейшими аспектами жизни подвластного субъекта, включая его биологическую жизнь». Названное обстоятельство определяет «единые правила поведения во власти» и единство средств властного воздействия. Так, к общим правилам поведения субъектов во власти философ относит использование ими последней «прежде всего для самих себя и во вторую очередь для блага подвластных». Что касается средств воздействия, то при всем их разнообразии в конечном счете они сводятся, как считает Зиновьев, к трем основным – «физическое насилие, манипулирование сознанием людей и распоряжение жизненными благами»¹, т.е. отношение «господства и подчинения».

Из данного положения следуют два вывода. С одной стороны, вывод о том, что проявление власти для человека и образуемых им социальных объединений *естественно*, оно заложено в природных и социальных параметрах его жизни. С другой стороны, общечеловеческий, естественный характер властных проявлений предполагает злоупотребление властью, проистекающее, как считал еще Монтескье, из той же самой природы человека², что ставит проблему адекватных средств регулирования и упорядочивания властных отношений в целях обеспечения самосохранения человека.

Ограничение произвола власти А. Зиновьев усматривает «лишь вовне, а именно – в других властителях и в подвластных, в сопротивлении последних амбициям властителей»³. Следует подчеркнуть, что к механизмам «сдержек и ограничения власти» философ относит не «рутину» деятельности функционально разделенных властей, а «творчество» каждодневной социальной борьбы, перманентно воспроизводимой в мире социальных атомов.

Учение Зиновьева о власти нашло дальнейшее развитие в его теории государства, возникшее, с одной стороны, в полемике с марксизмом, а с другой, – представляющее собой пере-

¹ Там же. С. 162.

² Баскин М.И. Монтескье. М., 1975. С. 52-112.

³ Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу ... С. 155.

осмысление классической для русской историософской традиции концепции государственной школы, сформировавшейся к середине XIX в. усилиями философов и историков права К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. Последние признавали государство, прежде всего Русское государство, в качестве основного творческого начала истории, его движущей силы¹. Опираясь на теоретический анализ исторического опыта обществ и государств в XX – начале XXI в. Зиновьев модернизирует и переосмысливает выводы государственников, выдвигая новое методологическое решение проблем соотношения общества и государства; государства как «органического союза народа, соединения всех его интересов»²; социальной сущности государства и др.

Качественно новым идейным мотивом в рассуждениях Зиновьева по означенному комплексу вопросов является вывод философа о принципиальном единстве, диалектической взаимосвязи института общества и государства. Данный вывод следует из эксплицитного понимания Зиновьевым общества как социоорганической целостности, социоорганического «тела», управляемого адекватным ему «мозгом» – государством. В свою очередь, государство как «управляющий орган общества» изначально предполагает имеющим быть управляемое общественное «тело». Соответственно, государство не может рассматриваться только как этап (пусть высший) в развитии общества, как подходили к данному вопросу в духе гегелевской философской системы «государственники», отождествлявшие государство с «высшей формой общежития, с высшим проявлением народности в общественной сфере»³. «Государство формируется как орган формирующегося общества, а общество формируется как человек с таким управляющим органом, каким является государство. Это – единый процесс»⁴.

Приведенный формально-логический аргумент в пользу двуединства «общество – государство» философ дополняет содержательным аргументом. В соответствии с ним общество – особый тип

¹ Власть и право ... С. 18-19; *Новиков Л.И., Сиземская И.Н.* Русская философия истории: Курс лекций. М., 1999. С. 179.

² *Чичерин Б.Н.* О народном представительстве. М., 1866. С. 389.

³ *Чичерин Б.Н.* Опыт по истории русского права. М., 1858. С.369.

⁴ *Зиновьев А.А.* Человек и феномен Зиновьева. М., 2002. С. 213.

человека, который *нуждается* и функционирует за счет особого типа управления, каким является государство. Это определяет выявление Зиновьевым «нового качества власти» в человеке типа общества.

Логическим развитием обозначенного Зиновьевым подхода к проблеме возникновения государства является отказ от поиска «каких-то корней и истоков» государства, «доходя до вождей племен, глав семейств и даже вожаков стад человекообразных существ», что рассматривается философом как «бессмысленное» занятие. Исследователь считает необходимым обозначить лишь общие условия возникновения государственности, совпадающие, как он считает, с условиями возникновения общества. К ним он относит «необходимость пространственных границ (внешней «оболочки»), сосредоточение основной жизнедеятельности членов общества во внутреннем его пространстве, способность добывать и производить самое необходимое для своего существования, создавать внутреннюю самоорганизацию и свой образ жизни». Достаточно высокий уровень суверенитета, «то есть независимости от других человек», определяется, по Зиновьеву, достаточно высоким уровнем материальной культуры.

Комплекс указанных условий, считает философ, приобретает реальную силу, когда достаточно многочисленный народ или группа народов, по каким-то причинам оказывается вынужденной объединиться. В качестве «важнейшего случая» подобного объединения, возникающего в среде многочисленных («миров») человек типа «предобществ (дообществ)», философ рассматривает покорение одного предобщества другим предобществом, что приводит к возвышению одного человеческого объединения над другим и «образованию нового объединения с социальной иерархией», властью в котором становится «часть членов предобщества победителя».

Философ подчеркивает насильственный характер возникновения и общества, и государства. «Общество (...) образуется не столько из друзей, вынужденных враждовать сколько из врагов, вынужденных дружить»¹. Соответственно, «элемент принуждения» в образовании и

¹ Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу ... С. 185-186.

сохранении общества и государства «является доминирующим». Вместе с тем философ не сводит возникновение государства к простому «завоеванию слабых групп более сильными группами», как считал, например, основатель «теории завоевания» Л. Гумплович¹.

Новое качество власти в условиях общества проявляет себя, согласно Зиновьеву, в возникновении власти более высокого уровня, которая «организует (выделено нами – Е.К.) покоренных в целое», с одной стороны, для того, чтобы иметь для себя постоянный источник существования (в виде поборов, дани, налогов). А с другой стороны, – для того, чтобы обеспечить жизнь и самосохранение общества как единого целого, функционирующего в качестве такового не в силу родственных отношений, как это имеет место в предобществах, а в силу потребности разнообразных «чуждых», «а то и вообще враждебных»² друг другу людей и групп реализовать свои частные интересы, что возможно лишь в условиях управляемого социума. Философ подчеркивает, что осуществляемая государством организация опирается на адекватный интерес подвластных, поскольку «частные интересы различных групп могут быть удовлетворены только в составе объединения этих групп в единое целое». Коль скоро это так, то обоюдное *встречное движение* власти и подвластных «становится началом государственности, а новое объединение – началом общества».

Выдвинутая Зиновьевым гипотеза возникновения государства может быть рассмотрена как развитие теории социальной обусловленности власти, но не в ее спенсеровском (результат сотрудничества, кооперации), а скорее, в шопенгауэровском варианте, утверждавшем, что «государство вовсе не направлено против эгоизма вообще и как такового: наоборот, оно возникло именно из сознательного и методического эгоизма (...) – эгоизма всех; и существует оно только для того, чтобы служить ему»³.

Главным итогом приведенных рассуждений Зиновьева становится вывод об изначальной противоречивости общества как биосоциальной иерархически организованной, многоуровневой системы.

¹ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 131.

² Зиновьев А.А. Человейник ... С. 212.

³ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Собрание сочинений. В 5 т. Т. 1. М., 1992. С. 325.

Философ выделяет в обществе как минимум три уровня противоречий: противоречие между объединяемыми в его рамках «социальными атомами» («чуждость», «враждебность»); противоречие между множествами устойчивых групп, имеющих свои собственные частные интересы; противоречие между интересами интегрированных в общество социальных индивидов и социальных групп и правящей элитой, которая «стремится поживиться за счет потребности этого скопления людей в целостности и делает своим частным интересом удовлетворение этой потребности».

«Человейник организуется так, – пишет А. Зиновьев, – что в нем с необходимостью возникает различие социальных положений для различных его членов»¹. В свою очередь, социальная иерархия определяет иерархию жизненных благ и неравенство в обладании ими, квалифицируемое философом как «изначальный закон человеческого бытия», воспроизводимый самой социальной структурой. «Возникнув однажды, неравенство в распределении жизненных благ само становится опорой социальной организации, породившей его». Разрушение системы неравенства, согласно утверждению философа, означает создание новой ее формы, более адекватной конкретно-исторической ситуации в обществе.

Очевидно, что противоречивость общества как естественное его состояние реализуется, по Зиновьеву, в перманентно идущей социальной борьбе, которая квалифицируется философом не как борьба общественных классов за изменение социального строя и установление своей власти, а как борьба за максимальное продвижение вверх по «иерархической лестнице социальных позиций» отдельных социальных индивидов и образуемых ими социальных групп.

В данном контексте роль государства как института целостности общественного организма оказывается непреходяща, что определяет, согласно Зиновьеву, становление и функционирование государства в качестве «самодовлеющего социального феномена», превращение его в «субъект истории, использующий общество как сферу и орудие своего собственного бытия».

Обозначенная Зиновьевым точка зрения служит, однако, не подтверждением идеи надклассовой сущности государства, при-

¹ Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу ... С. 172.

писывавшейся в свое время государственнымникам, а направлена против марксистской концепции государства. Прежде всего против ее фундаментальных учений о государстве как продукте раскола общества на антагонистические классы, орудии господствующих (эксплуататорских) классов, надстройке над экономическим базисом, предполагающей отмирание в бесклассовом коммунистическом обществе.

Социальная природа государства, согласно гипотезе философа, определяется исполняемыми им функциями, которые не позволяют рассматривать его ни как исключительно механизм насилия, ни как надклассовый институт альтруистского служения народу с учетом частного интереса государства и обслуживающих его групп людей. В итоге определение социальной природы государства философ связывает с выявлением не его классовой или «надклассовой» сущности, а с обоснованием его функционально-практических критериев, что предполагает анализ функций государственности как таковой, опуская рассмотрение традиционной для социально-политического исследования проблемы государственно-политических систем.

Фундаментальная функция государства, по Зиновьеву, – это функция целостности общества, которая реализуется в сложной совокупности функций инструментальных (охрана целостности, установление правового порядка, защита общества от внешних угроз и т.д.). «Государство, – пишет Зиновьев, – возникает и существует и для самого себя» (в смысле обеспечения интересов, находящихся на его службе людей), «и для привилегированных классов» (в смысле обеспечения их status quo), «и для всего общества» (в смысле обеспечения его самосохранения)¹.

В итоге государство осмысливается Зиновьевым как многоплановый социальный институт, орган («мозг»), имеющий сложную конфигурацию интересов, не сводимую к классовой проблематике. Первостепенную значимость для философа, рассматривающего «общество – государство» как определенный этап в мировой истории, приобретают не историко-типологические особенности развития государства и его конкретно-политические разновидности, а его общие законо-

¹ Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу ... С. 193.

мерности функционирования как основы, органа, условия, носителя целостности общества, а также механизмы их реализации.

Ведущей закономерностью государственной власти является, по Зиновьеву, ее правовой характер. Говоря о государстве, – указывает философ, – мы должны говорить о правовых (юридических) законах, а говоря о праве, должны говорить о государстве.

Неразрывность государства и права, с точки зрения Зиновьева, определяется тем, что государственность, когда она «разрастается, усложняется» не может ограничиться использованием силы для того, чтобы «заставить население признать ее, покориться ей, примириться с ней». Для государственности «требуется именно законность как в ее установлении, так и в воспроизводстве»¹. В формальном аспекте первостепенная значимость права для государства как основания его правомочности, выражается в том, что в системе права, в *первую очередь*, «устанавливается статус государства, его строение, права и способ воспроизводства». В итоге государственная власть конституируется как «узаконенное право на принуждение подвластных к определенному поведению и на средства осуществлять это право на деле, – полиция, армия, суды, тюрьмы».

Взаимообусловленность государства и права базируется, согласно теории Зиновьева, и на том, что право является важнейшим для общества механизмом преобразования стихийно идущей в «человейнике» социальной борьбы в упорядоченную, государственно регулируемую и регламентируемую «вертикальную динамику населения». Основанием для данного вывода является учение Зиновьева о социальных логических классах общества, определяемых философом как социальные группы, включающие в себя «членов общества, занимающих сходное положение в социальной организации общества (в деловых клеточках, основных сферах)». И, что особенно важно, обладающих «признанной обществом и узаконенной государством» социальной позицией. Именно узаконивание основных логических классов и даже создание таковых рассматривается философом в качестве одной из фундаментальных акций государства, играющих решающую роль в закреплении социальной организации обще-

¹ Там же. С. 197-208.

ства и определении возможной и необходимой внутри него динамики социального «восхождения».

Актуальным представляется осмысление Зиновьевым содержания правового регулирования системы человеческих отношений в обществе. Коль скоро нормы (правила) поведения касаются, как пишет Зиновьев, не конкретных индивидов и отдельных поступков, а логических классов (категорий) субъектов и поступков, то, с одной стороны, они являются «*формальными*» в смысле признающими формальное равенство всех членов соответствующих логических классов общества перед буквой закона.

С другой стороны, то же самое обстоятельство позволяет рассматривать право как *иерархию* общественных правил (норм), отражающую и выражающую не только отношения координации, но и субординации в обществе.

Рассматривая право как совокупность формально равных требований к поведению членов общества, действующих в соответствии с многоуровневым характером социальной системы общества, Зиновьев осмысливает феномен права (государства и права) как основной способ саморегуляции общественного организма в контексте его естественных запросов, обусловленных социальными законами экзистенциального эгоизма, и его социо-культурных потребностей в качестве единого целого. Иначе говоря, институционально-правовая система государственного управления «берет» социального индивида и образуемые им социальные группы как в аспекте активного социального действия (субъект права), так и в аспекте социального страдания (объект социального регулирования). Соответственно право аккумулирует в себе как императив социального действия, так и адекватный ему императив социального сдерживания.

Приведенные рассуждения дают Зиновьеву основания для определения принципов государственно-правового регулирования. К ним он относит *принцип структуризации* или правового оформления (формирования) исторически сложившейся организации общественной системы и *принцип стандартизации*, т.е. упорядочения частей системы в соответствии со сложившимися в конкретном обществе образцами. Так, философ пишет, например, о структурировании самой государственности, осуществляющейся в зависимости от территориального деления страны, на микроуровне власти, в соответствии с функциональным делением власти (на власть в сферах), отмечая, что

взаимодействие возникающих структур достигается на основе «принципа стандартизации», т.е. «копирования в той или иной мере» нижестоящей властью власти вышестоящей.

Выдвигаемая Зиновьевым идея тождественности, взаимообусловленности государства и права позволяет философу по-новому взглянуть на давнюю философско-правовую дискуссию между «юснатуралистами» и «легистами» по вопросу об объективной сущности права, обосновав свою собственную точку зрения. Позиция философа принципиально отлична как от концепций юснатуралистского (естественно-правового) типа, усматривающих объективную сущность права в естественном, т.е. в заключающем в себе «неизменные принципы природы человека и его разума»¹ праве (в праве по природе), так и от легистского правопонимания, определяющего право как произвольное установление государства и игнорирующего тем самым проблему его объективной сущности. Признавая в качестве фундаментальных естественных законов функционирования социума законы экзистенциально-эгоистической борьбы, Зиновьев считает неуместным говорить о преданности права естественной природой человека, которое скорее противостоит ей в качестве явления *искусственного*, *«рукотворного»*. Государственные законы, а также общественные нормы поведения, мораль, считает философ, возникают как реакция самосохранения *целого* общественного организма на естественные законы рационального расчета, определяющие поведение *отдельных* социальных индивидов и их объединений и реализующиеся в «правилах коммунального поведения». Последние, согласно Зиновьеву, состоят в том, чтобы «действовать в своих интересах», препятствовать действиям других во вред себе; удовлетворять «свои интересы (...) за счет других индивидов». Являясь аспектом естественных законов рационального расчета «правила коммунальности», по мнению Зиновьева, продуцируются средой «и затем навязываются каждому индивиду по отдельности как принудительные законы природы», неподвластные воле людей «по той простой причине, что люди просто не хотят их нарушить». Коль скоро это так, то государственные законы созда-

¹ Философский энциклопедический словарь ... С. 184.

ются обществом как целым и государством как его инструментом в качестве «коллективных защитных средств людей от самих себя», а сам феномен «социального нормативизма» складывается «как условие выживания народов»¹.

Из приведенных рассуждений следует, что право, с одной стороны, отнюдь, не является отражением некоей естественно-правовой сущности человека, а с другой, отнюдь не только воплощает в себе некий государственный произвол. Квалифицируя право и его нормы как «явление иного рода» по сравнению с объективными социальными законами, Зиновьев говорит о том, что нормы права «могут как-то отражать социальные законы». Он рассматривает социальные законы и нормы права (поведения) как компоненты диалектической пары, которые «в процессе эволюции взаимно стимулировали друг друга, – не только первые вынуждали изобретать вторые, но и изобретение вторых поощряло первые». Итогом зиновьевской онтологии права становится определение им понятия «фундаментальное право общества», которое, с одной стороны, фиксирует реальные явления, уже сложившиеся в человеческой исторически и, с другой стороны, становится условием дальнейшего нарастания, усиления и развития этих явлений рождающегося и родившегося общества. Итак, право по Зиновьеву, в идеале есть конкретное государственно-властное воплощение воли народа *как целого*, вырастающее «из сопротивления коммунальности, стремления умерить ее (коммунальности) буйство, заключить ее в определенные рамки»² и в этом смысле имеющее в ней свою конкретно-историческую объективную основу.

Выдвинутая Зиновьевым концепция правопонимания позволяет философу по-новому осмыслить проблему сущности правового государства. Если скоро любое государство реализует общую волю народа к самосохранению в качестве социального целого и использует для этого правовую форму власти, то любое государство допустимо рассматривать как правовое. Всякое общество, считает философ, создает какую-то правовую систему. При этом далеко не во всяком обществе люди свободны в том смысле, в каком

¹ Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу ... С. 141-174.

² Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность ... С. 26.

они свободны в современных западных странах. Общество может иметь правовые нормы, лишаящие людей «прав человека» в западном смысле. Тем не менее становление общества есть процесс формирования какого-то государства и какого-то права, и не обязательно хорошего, с чьей-то точки зрения, государства и права.

Государственнический пафос зиновьевской идеи разделяет, как нам представляется, специалист по теории государства и права академик В.С. Нерсесянц, считающий, что «любое государство как правовая форма общей (публичной) власти – это (в меру развитости права в соответствующую социально-историческую эпоху) правовое государство», при этом современное понимание правового государства есть «специальная, соответствующая современному уровню развития права и государства, конструкция правовой организации публичной власти с набором свойств и характеристик»¹.

Итак, концепция государства осмысливается Зиновьевым в тесном единстве с проблемой существования общества, раскрываемой им в аспекте условий, при которых общество возможно. Общество, по Зиновьеву, возможно как понимаемое тройко целое, в котором государственная власть играет роль механизма целостности. *В первом случае* – это социорганическое целое, где государство, «мозг», организует необходимую для существования общества жизнедеятельность социального тела. *Во втором случае* – это функционально-структурное целое, где общество мыслится как иерархически организованная социальная система, управляемая государством как органом целостности с соответствующим ему набором функций и внутренней структурой. В понимаемой таким образом целостности механическое единство «социальных атомов» приобретает вид отношения функционального соответствия, означая, что каждый индивид находит в таком «всеединстве» свое место. *В третьем случае* речь идет об институционально-структурном, прежде всего, правовом целом. Здесь целокупность общества осуществляется в силу того, что естественная, возникающая в силу взаимодействия экзистенциально-эгоистических индивидов и образуемых ими групп социальная борьба организационно структурируется, вводится государством в институциональные рамки.

¹ Нерсесянц В.С. Философия права. Краткий учебный курс. М., 2001. С. 39.

Ведущую роль среди институционально-структурных механизмов при этом принадлежит праву. Формат правоотношения с той или иной степенью адекватности позволяет индивиду реализовать обе стороны социального взаимодействия, участвуя в нем и в роли субъекта, и объекта.

Коль скоро это так, то общество изначально формируется как «человейник» с относительно равновесной или, как пишет Зиновьев, с «рациональной» социальной организацией. Стабильность такой организации определяется диалектикой связи индивида (социальной группы) и целого опосредованной системой общественно-государственных институтов. Признание государственной власти в качестве атрибута общества приводит философа к выводу о невозможности общества вне формата государственности.

Заключительным разделом философии власти Зиновьева является его учение о «сверхвласти» как принципиально новом властном феномене, становление которого он идентифицирует со второй половиной XX – началом XXI в. Явление «сверхвласти», согласно философу, не есть некий отрицательный, негативный тип власти, противостоящий положительному, позитивному типу власти, наподобие платоновского «отрицательного» типа государства (тимократия, олигархия, демократия и тирания), противостоящего государству идеальному, а есть конкретный, обладающий сущностной определенностью социальный феномен. Соответственно категория «сверхвласть» не носит в контексте рассуждений философа эмоционально-оценочного, а имеет квалификационно-содержательный характер. «Сверхвласть», по Зиновьеву, – это конкретно-историческая форма существования власти, имеющая своего субъекта и обладающая конкретной пространственно-временной локализацией.

Философ выделяет основные обстоятельства, определившие возникновение феномена «сверхвласти». К ведущим среди них он относит закономерную эволюцию миров обществ (цивилизаций) с выходом их на новую эволюционную ступень в современном мире, характеризующуюся исчезновением «возможностей для автономной эволюции человеческих объединений в течение длительного времени» и приводящую к борьбе этих объединений за ресурсный потенциал и среду обитания.

Возникновение тенденции универсального миропорядка является, согласно Зиновьеву, следствием формирования особого

специфического типа цивилизации, добивающейся «баснословного» социального прогресса, причем «на пути собственного уничтожения», а значит – и на пути уничтожения неких традиционных историко-культурных оснований вообще. Речь в данном случае идет о западной цивилизации, осмысливаемой философом в духе веберовской идеи западноевропейской «рационализирующей» культуры, добивающейся своей эффективности за счет ослабления механизмов «внутренней организации» социума (для Макса Вебера – это означает «расчеловечение», «овеществление», «потерю личности», «утрату души»¹; для Зиновьева это означает деятельность по приспособлению менталитетных способностей людей к интересам организующей их системы путем сверхрационализации человека и превращения его в «социобиологического робота», а также за счет усиления механизмов его «внешней организации» (для Вебера – это тождественно «бюрократизации», «индустриализации», «интеллектуализации», «развитию рационального производственного капитализма», «овеществлению», «методизации», «секуляризации», «расчеловечению»², для Зиновьева – это возникновение организующего все названные и многие другие процессы «сверхвласти»).

Интересно сопоставить оценки, даваемые обоими философами, конструируемому в рамках означенного социального «творчества» «человейнику». По Веберу, «рационализация иррационального» в западноевропейском социуме приобретает вид «иррациональности рационализации». По Зиновьеву, возникающие здесь соответствующие социальные образования – «сверхобщества» – «сверхрациональны». Они поглощают рационализм обществ, но организуются уже не по законам рациональности. Последнее обстоятельство позволяет философу уточнить концепцию «рационализирующей» культуры М. Вебера, выделив в ней этапы: «западно-европейскую культуру и культуру западнизма».

Возникновение «сверхвласти» за пределами «западнистского» социума обусловлено, по Зиновьеву, попытками иных социокультурных типов цивилизаций защититься от претензий Запада, развив конкуррующий вариант эволюции человечества. Наиболее

¹ Немецкая социология. СПб., 2003. С. 139.

² Там же. С. 137.

завершенную форму эти попытки, считает философ, получили в рамках советского коммунизма, где Советская власть сложилась как эталонный пример «единства государственных и сверхгосударственных элементов власти», где сама государственная власть формировалась «сверхвластью».

Признавая факт того, что эпоха «сверхвластных» социальных структур еще только наступает, Зиновьев определяет главный индикатор наличия в современном социуме сверхвластных образований. Таковым, согласно ученому, является сверхрациональная по масштабам и технологиям социально-инженерная практика коммунизма и «западнизма» («делание будущего»), предполагающая адекватный тип осуществляющей ее власти – «сверхвласть».

Исследователь обосновывает основные признаки, позволяющие идентифицировать явление «сверхвласти». К ним он относит: а – разрастание сверх всякой меры обычной (традиционной) государственности, обслуживающего ее политического класса и государственно-правовых механизмов; б – возникновение качественно нового уровня власти, властной надстройки над государством («сверхгосударства»), над экономикой («сверхэкономики»), над правом («сверхправа»), обладающей «негосударственными средствами»¹ принуждения и управления нижестоящими уровнями власти; в – возникновение и утверждение «сверхидеологии» в качестве «могущественного инструмента формирования чувств и вкусов огромных масс людей», а значит, в качестве ведущего внутреннего механизма социального регулирования, завершающего формирование всего «сверхобщества». Последнее, согласно определению Зиновьева, есть «человейник, который является диалектическим отрицанием общества»².

Обоснованный философом концепт «сверхвласть – сверхобщество» позволяет по-новому осмыслить ряд актуальных социально-философских проблем. Прежде всего философ осуществляет сопоставительный анализ социальной организации коммунизма и «западнизма», рассматривая их как два варианта шед-

¹ Зиновьев А.А. Глобальное сверхобщество и Россия. Минск; М., 2000. С. 41-56.

² Зиновьев А.А. Человейник ... С. 215.

шей в одном и том же направлении эволюции человечества. «Каждый из них, – указывает ученый, – содержал в себе какие-то элементы и потенции другого. В каждом из них происходило одновременно два тесно связанных процесса, один из которых относился к истории обществ, а другой к истории сверхобществ»¹. Вписывая коммунизм и «западнизм» в единый формат концепции «сверхвласти – сверхобщества», Зиновьев тем самым упраздняет неконструктивный идеологизированный подход к оценке этих феноменов, рассматриваемых, как правило, в изначально заданной оценочной парадигме «тоталитаризм – демократия». Освобождая исследовательский контекст от не имеющих, с его точки зрения, существенного познавательного значения идеологических клише, философ ставит изучение новейших социальных феноменов на сугубо рациональные рельсы осмысления проблемы общего и особенного в развитии обозначенных «сверхвластных – сверхобщественных» форм.

Прежде всего философ обращает внимание на специфику конкретных обществ и условий, на базе которых возникли известные формы «сверхвласти», а также соответствующие им формы «сверхобществ». Так, коммунистическое «сверхобщество» в России возникло в условиях, когда основной проблемой для страны стала проблема выживания, создания общественного порядка, который мог бы обеспечить это». Советский коммунизм как историческая разновидность «сверхобщества», неоднократно подчеркивает философ, возникал в условиях военной и послевоенной разрухи, нищеты, голода, хаоса, безграмотности населения, дефицита культуры, одним словом – в условиях, образно говоря, социальной пустыни².

Обозначенный социальный фактор возникновения советского «сверхобщества» усиливался, как отмечает Зиновьев, двумя другими. Во-первых, традиционно коммунальной (отношения власти и подчинения) основой социальных отношений в стране, имевших «свое выражение в государственном аппарате, в отношениях всех слоев общества с этим аппаратом, в средствах поддержания общественного порядка (полиция, жандармерия, суды и т.д.), в армии, в общинном зем-

¹ Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу ... С. 281.

² Зиновьев А.А. Человейник ... С.215.

левладении и т.д.». Во-вторых, спецификой («характером и состоянием») человеческого материала России. «Основной российский народ – русские, – пишет Зиновьев, – обладал качествами, которые, с одной стороны, делали сильную диктаторскую власть необходимой для его выживания, а с другой стороны, делали эту власть возможной»¹.

Коль скоро это так, то коммунистическое сверхобщество складывалось *сверху* по инициативе высшей революционной власти и благодаря ее усилиям, сформировавшись как институт возрождения и сохранения общества и государства в качестве своей базисной основы. Иными словами, коммунистическая «сверхвласть» изначально была ориентирована на *внутренние* аспекты бытия советского социума, что обусловило и специфику формируемого ею «сверхобщества» как развивавшего в себе одновременно потенциальные общества. Результатом названных обстоятельств явилось то, что даже в своей внешнеполитической активности, закономерной для «сверхобществ» как таковых (стремление к мировой гегемонии, навязывание другим странам и народам своего типа социальной организации) советский коммунизм действовал по принципу организации подобных себе, но самостоятельных, самодостаточных социальных организмов. В основе подобного псевдогегемонизма лежали, традиционно-русские мотивы усиления своей обороноспособности, основанные на уверенности в том, что союзники с такой же социальной организацией надежнее, что с ними легче устанавливать контакты. Вполне понятно отсюда, что способом взаимодействия коммунистического «сверхобщества» на мировой арене стало «горизонтальное» объединение взаимозависимых стран». Соответственно отношения в создаваемом по «горизонтальному» принципу содружестве народов строились на основе «отношений координации, а не субординации, без которых, – как замечает, впрочем, философ, – объединение больших масс людей на большие исторические сроки в принципе (в силу социальных законов) невозможно»². Подводя итог своим рассуждениям по поводу роли и интенций советского коммунистического «сверхобщества» на международной арене, философ приходит к выводу о том,

¹ Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу ... С. 410.

² Там же. С. 443.

что оно «по своей природе», в том числе, в силу отсутствия в нем «человеческого материала с качествами народа господ», не только не претендовало на «вертикальное» структурирование человечества, но и не было к нему способно.

Что касается «западнистского пути к сверхобществу», то Зиновьев оценивает его как другую по сравнению с коммунизмом крайность эволюционного процесса. В данном случае возникновение «сверхобщества», считает он, имеет место в условиях баснословного богатства и изобилия, процветания всех сфер общества, т.е. в условиях «социальных джунглей». Коль скоро это так, то «западнистское сверхобщество» вырастает здесь «снизу из всех основ жизни общества, во всех сферах его социальной организации»¹. Вертикальный вектор роста «западнистского сверхобщества» определяет, по Зиновьеву, тот факт, что формирование его происходит как выход за рамки социальной организации общества и даже их разрыв.

Философ закономерно ставит вопрос о возможности существования подобного «разорванного» социума и его «разорванных» институтов, актуализируя своей постановкой гоббсовскую идею о том, что покушение на общество и государство означает покушение на общественное состояние человека, возвращение его в состояние дикости и хаоса. Разрыв рамок социальной организации обществ любого иного типа (кроме «западнистского» – Е.К.) может привести к гибели общества, считает в связи с этим философ, отмечая, однако, что на пути «западнизма» «выход за рамки... социальной организации общества не есть разрушение ее»². Так, девальвация старых (обычных) внутриобщественных механизмов регулирования, лавинообразное разрастание вследствие этого отношений коммунальности в условиях «западнизма», хоть и означает возврат к дообщественному состоянию, но на принципиально ином, более высоком уровне, означающем как бы слияние в единое целое подразделений и функций социальной организации человека.

Стоящее за данной дескрипцией явление «западнистской сверхвласти», как ясно из контекста, предполагает возрождение догосударственных, доправовых, доэкономических и т.д. явлений.

¹ Зиновьев А.А. Человейник ... С. 216.

² Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу ... С. 559.

Причем последние в данном случае выступают не критериями упадка или, тем более краха «западнизма», а представляют собой лишь «плату», состоящую в отказе от каких-то достижений предшествующего состояния, за выход на новый эволюционный уровень, за прогресс. Суммарно-содержательный смысл этой «платы», возможной и адекватной «западнизму» с его гигантской и даже «чрезмерной» материальной культурой, является, согласно гипотезе Зиновьева, сверхмассововление, сверхидеологизация «западнистского сверхобщества» на основе конструирования принципиально нового типа идеологической и «менталитетной культуры», «сверхмощных методов формирования сознания людей и манипулирования ими путем воздействия на их сознание»¹.

Суммируем выделяемые философом основные черты, определяющие эффективность идеологии западнизма: естественно-историческая аутентичность, а не привнесенность извне; нацеленность на «идеологический гедонизм», т.е. «систему ценностей, избавляющую людей от усилий над собой и моральных ограничений»; приоритет «идеологического хаоса», т.е. «суррогата демократии в виде распушенности, ослабленного контроля со стороны власти, доступных развлечений, предоставленности самим себе»; опора на массовидность информации как средства «забить мозги до отказа, чтобы в них не осталось места ни для чего другого и чтобы отпала всякая потребность “шевелить мозгами”»².

Итогом рассмотренной системы «социального регулирования» становится, по Зиновьеву, осуществляемая «сверхвластью» особая «культура управления», представляющая собой систематическое психологическое и идейное упрощение и стандартизацию сознания. В результате «западнистский человек» не только не распадается, но и прогрессирует по типу «эволюционной (или внутренней) империи». Социальный смысл такого человеконика усматривается философом в том, что элитарная его часть образует особого рода объединение, для которого прочая часть становится его средой осуществления... Ее отношение к остальной части Зиновьев сравнивает с отношением между метрополией империи с ее

¹ Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу ... С. 362.

² Там же. С. 596.

колонией¹. Обозначенный процесс квалифицируется ученым как «вертикальное структурирование» «западнистского сверхобщества», идущее одновременно во всех подразделениях западнистских человеичиков по отдельности и в их совокупности, т.е. в масштабах западной цивилизации в целом. Что касается остального человеческого сообщества, то ориентированная на самоусиление и самовозрастание «западнистская сверхвласть» и его рассматривает как источник своего «господствующего» положения на планете, которое достигается ею на пути «вертикального структурирования стран и народов».

Обоснованная Зиновьевым концепция «сверхвласть-сверхобщество» позволяет ему выдвинуть свое понимание актуальной проблемы социальной природы глобализации. Философ считает, что идущее полным ходом создание «глобального человеичика» не имеет ничего общего с приписываемой этому явлению парадигмой модернизма, а представляет собой «западнизацию» человечества, т.е. «особую форму колонизации», результатом которой становится «социально-политический строй колониальной демократии», «принудительно» навязываемый колонизируемым странам.

Итак, глубинный содержательный смысл философско-исторической концепции власти А. Зиновьева состоит в идее принципиального различия роли, пределов, целей и форм власти на различных этапах человеческой эволюции, к которым философ относит предобщество, общество и «сверхобщество». В своей общей теории власти Зиновьев дает концептуальное осмысление идеи уровневого соответствия адекватных социальных и категориальных феноменов: «общество-власть», «сверхобщество-сверхвласть».

Определение современного этапа общественного развития в качестве новой эволюционно-исторической ступени – ступени «сверхобщества» позволяет философу обосновать специфику функционирующего в его рамках феномена «сверхвласти». Она состоит в том, что представленная в условиях однополярного мира «западнистским» вариантом «сверхвласть» вырывается за пределы характерного для эпохи обществ государственно-институционального социума, претендуя на реализацию целей эволюционного характера и глобального

¹ Там же. С. 602.

масштаба путем принуждения огромных масс людей к деятельности по реализации этих планов.

Названное обстоятельство определяет, с одной стороны, неоперациональность изучения данного вида власти сквозь призму государственно-институциональной политической традиции. С другой, девальвацию самих традиционных западных государственно-политических ценностей («правовое государство», «демократия», «разделение власти»), которые в условиях «западнистской сверхвласти» утрачивают какую бы то ни было действенность, превращаясь в «средство манипулирования массами» со стороны совсем не демократического режима. Идеологическим форматом целей и устремлений «западнистской сверхвласти» становится рафинированный популизм, маскирующий практические меры к тому, чтобы помешать другим народам развить в себе качества, которые имеют существенное значение для цивилизации и благодаря которым они могли бы достичь уровня народов Запада и даже превзойти их.

Признавая закономерность рассматриваемого эволюционного этапа («без «вертикального структурирования» материи вообще немислимо никакое развитие, никакой эволюционный процесс») философ обращает внимание на то, что единственным реальным пределом претендующей на неограниченность «сверхвласти» становится сам «механизм социальной эволюции человечества». Гибель советского коммунизма как реального «сверхвластного» противовеса «западнизму» определяет консервативную окраску концепции власти А. Зиновьева.